

тұрмысқа қажетті заттармен қоса көрпе-жастық бұйымдарын сыйғызып, ретпен әсем жинап қою үлкен талғамды танытады, қазақ тұрмысында төсек-орын күн көтерілгенше шашылып жатпайды, осының бәрі ұрпақ тәрбиесі, қыз тәрбиесінде маңызды, “қыздың жиған жүгіндей” дейтін сүйсіну мәнді ұлттық мәдени коннотациялы тіркестер *жастағаш/жастағыш / жастықағаш* тәрізді қарапайым тұрмыстық заттар арқылы туған.

1. Тұрышев А.Қ. *Мәшһүр Жүсіп шығармалары лексикасының этномәдени негіздері: Филол. ғыл. док. дисс. авторефераты.* – Алматы, 2005.

2. Бакинова Г.Б. *Лексика диалектов киргизского языка в ареальном освещении.* – Фрунзе: Илим, 1990.

3. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический аспекты.* – М.: Языки русской культуры, 1996.

4. Жуковская Л.Н. *Категории и символика традиционной культуры монголов.* – М.: Наука, 1988.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы изучения материальной и духовной культуры на материале диалектной лексики казахского языка.

Summary

The article is about investigating the material and spiritual culture base on the dialectal lexics of Kazakh language.

ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Р.Кадырова -

кандидат филологических наук, доцент КазНПУ имени Абая

В понятие языковой интерпретации смыслового содержания, наряду с другими компонентами А.В.Бондарко включает различие эксплицитного и имплицитного представления смыслового содержания [1, с.2]. По определению ученого, «эксплицитное содержание – явное, непосредственно выраженное тем или языковым средством, имплицитное содержание – специально не выраженное, а лишь подразумеваемое, вытекающее из эксплицитного содержания или из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информацией» [1, с.3].

В настоящей статье анализируется имплицитно передаваемое содержание в древнерусском языке на примере гипотетической семантики. Материал для анализа извлекался из письменных памятников древнерусского языка XIV-XVI вв. путем сплошной выборки.

Как показывает проанализированный материал, предположительная семантика имплицитно выражается в сложноподчиненных предложениях с придаточными разных типов.

В наибольшей мере оттенок условно-предположительной семантики присутствует, по нашим наблюдениям, в придаточных времени. Так, союз *егда* в придаточной части, помимо темпоральной семы, соответствующей тождественной семе *тогда* главной части, может включать условно-предположительную сему, идентичную семе *аще*. Такое употребление обнаруживается в сложных конструкциях с временными отношениями предикативных частей, в которых компонент *тогда* в главной части является обязательным. Посредством использования союза *егда*, соотносительного слова *тогда* и глаголов в настоящем постоянном времени говорящий передает следствия, обычно имеющие место при определенных обстоятельствах: *егда по сотворении познание и раскаяние не имеет, тогда убо грех злейший бывает* [ПИГр, 60].

Примечательно, что Т.П. Ломтев трактует придаточные с союзом *егда* как придаточные условные. По мнению ученого, в древнерусском языке происходил процесс передвижения вопросительных предложений вопросительного модального плана с вопросительными наречиями *когда, когда бы, егда,*

как, как бы, кабы, коли на позиции придаточных условия; « в связи с этим вопросительные наречия переосмысливаются в условные союзные слова» [2, 538].

Предположительный оттенок значения носят придаточные цели. Как известно, употребление частицы *бы* в препозиции к глаголу-сказуемому в форме перфекта и непосредственно после частицы *да* приводит к утрате частицей *бы* семантического оттенка желательности и формированию в древнерусском языке союза *дабы* с целевым значением. Синкретичными по значению являются придаточные части, включающие сочетание союза *да* со старыми формами сослагательного наклонения: *Молю тя да бых и аз приял святое крещение [ППЦО, 143]*. Особенно четко целевое значение передается графически, в случае слитного написания *дабы*, представляющего собой подчинительный союз с целевым значением: *И такоже подобает ти, дабы былъ еси слова чистаго и тихаго, а глас бы его тлъсть [ТТ, 544]*; *А про то же реку, дабы еси имъль мЪру и вагу дЪломъ своимъ а чествовал бы еси вси вЪтви закона своего [ТТ, 544]*; *Про то же посылай прироженцы земли тех, своей в далекии земли, дабы ти приносили поведание воевное, и обычаи царскии поистинне, и вЪдали бы вси притчи воевныя [ТТ, 578]*.

Предположительность события может заключать в себе оттенок значения желательности как состояния субъекта действия. С этой целью говорящий использует в высказывании глагол в сослагательном наклонении. Высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение, в главной части которого выражается желательность с оттенком условия, необходимого для ее осуществления, а в придаточной – цель, с которой необходимо данное действие. Особенность придаточной части состоит в том, что она представляет собой конструкцию переходного характера, включая компоненты *дабы*, *чтобы*, которые графически уже представляют собой союзы с целевым значением, а семантически – языковые элементы, посредством которых в большей степени передается значение условия, например: *и они бы меня восприяли..., дабы и попечаловался о мнѣ великому князю московскому, дабы и онъ простилъ во всем моемъ злѣ [Пов.ТВ, 62]*; *Чтобы деи отчина моя посадники псковские и псковичи, только хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили [Пов. пск.вз., 368]*.

Переходный характер процесса десемантизации частицы *бы* и включения ее в состав союза проявляется в тех случаях, когда, наряду с придаточными частями, включающими союз *дабы*, в той же конструкции отмечаются предикативные части, в состав которых входят частица *да* и глагол сослагательного наклонения, например: *Александръ, да разумей слово сие и помышляй и о сем, дабы еси уподобляться сотворителю своему всеми вЪцьми своими, да был бы и справитель твой исполненъ духовными и свѣтскими [ТТ, 558]*; *Научи их приносити прошения своя на писанных листех, а присылали бы до тебе людьми, достойными дела сего [ТТ, 576]*.

Приведенный иллюстративный материал показывает, что сема предполагаемого условия содержится в главной части конструкции, облигаторным компонентом которой является глагол в повелительном наклонении. Посредством данного глагола передается просьба, совет, требование, выполнение которых является условием для достижения цели. Предположительную семантику в рассматриваемых конструкциях можно выразить так (рисунок 1).

Рисунок 1 – Предположительная семантика в придаточных цели

Приведенные наблюдения представляются нам обоснованными в силу того, что в древнерусском языке sporadически отмечаются сложноподчиненные предложения с придаточной частью, включающей союз *да*, который передает условное значение: *Царь же... послав в Ростов по святаго владыку и обща ему дары многы да исцелит (если исцелит) сына его [ППЦО, 142]*.

В наших материалах отмечаются также случаи передачи говорящим возможных событий посредством сослагательного наклонения в составе сложных конструкций, в первой части которых изображается потенциально возможный мир с помощью формы будущего времени глагола. Вторая часть конструкции представляет собой косвенный совет, которому, с точки зрения говорящего, необходимо

следовать в случае реализации события, излагаемого в первой части конструкции. Перлокутивный эффект достигается в данном случае посредством косвенного выражения как предполагаемого события. Так и побуждения к действию: *и што он учнет тебе от нас говорити, и ты б ему верил* [ПИГр, 264].

Предположительность события с оттенком уступительности может передаваться в сложноподчиненных предложениях с придаточной уступительной частью, в состав которой входит союз *хотя*. Предположительное значение изображаемого события выражается в данных предложениях посредством форм глагола в сослагательном наклонении в придаточной части, а уступительное – придаточной и главной частями, поскольку предполагаемые события, изложенные говорящим в придаточной части, наталкиваются на противоречивые события, изображаемые как будущие реальные в главной части. Таким образом, говорящий передает невозможность трансформации изображаемого виртуального события в реальное. Обобщенно семантику предположительного условия относительно рассматриваемых конструкций можно представить следующим образом (рисунок 2).

Важными языковыми средствами, участвующими в передаче уступительности, наряду с отмеченными выше, являются в данном случае противительные союзы *но, а* и противительная интонация: *Хотя бы его нужею выводили ис того дЪла, но преможесть его искра превышная* [ТТ, 558]; *А хотя бы еси имЪль полны съкровища злата, а не будешь ли имЪти славы добрага от народа, то все ни за что* [ТТ, 546]; *Александръ... хотя бы еси принялъ много добра таимаго – не стоить за мало непорухомого* [ТТ, 552].

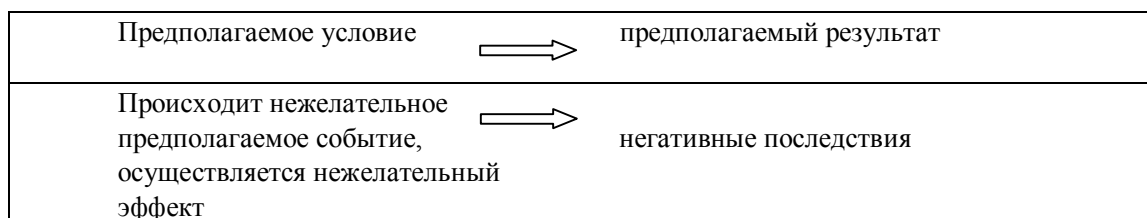

Рисунок 2 – Предположительная семантика в придаточных уступительных

Сослагательное наклонение глагола в сочетании с союзом *а*, расположенным в препозиции, может участвовать в выражении целевого значения придаточной части сложноподчиненного предложения. В этом случае придаточные части в составе с рассматриваемыми сочетаниями употребляются как однородные наряду с придаточными целевыми, включающими союз *дабы*. Союз *а* выражает противительные отношения между однородными придаточными частями и одновременно в сочетании с формой сослагательного наклонения глагола – целевое значение: *Истинная щедрость такоже, дабы оставлять захотЪния неподобныи, а не доискивал бы ся тайнищъ тщеславных, а не выкоривал бы, давь кому, яко же съ оружиемъ* [ТТ, 540]; *А был бы тот зьбиратель твой искусен в вещех, и богат, и не драчливъ, дабы брал овиць, а не уломил бы вЪтки и не усушил бы кореня* [ТТ, 570].

В отдельных случаях отмечаются варианты построения, включающие тождественный по семантике союзу *дабы* союз *чтобы*: *...их королевские послы рада с нашими послы розговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали, чтоб как на обе стороны любо было, а хрестьянская бы кровь невинная напрасно не проливалася, а меж бы государей мир и покой был...* [ПИГр, 215].

В придаточной изъяснительной части с целью изображения никогда не имевших места событий употребляется глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения, в которой компонент *бы* выполняет функцию изъяснительного союза, тождественного по семантике союзу *чтобы*. Использование подобных конструкций позволяет говорящему не только изобразить предполагаемые события, призвать слушающего их представить, но и дать им субъективно-негативную оценку: *А тово при предках твоих николи не бывало, что послы идут, а они бы ратью или...* [ПИГр, 220].

Предположительность в древнерусских сложноподчиненных предложениях достигается за счет использования семы *яко*, сочетающейся в придаточной сравнительной части с семой предполагаемого действия, которое передается посредством глагола-сказуемого в сослагательном наклонении. Как правило, данные конструкции включают модальное слово *убо*, позволяющее говорящему изложить предполагаемый вывод из определенной ситуации: *Подобно бы убо в лЪтЪ един тяжелный ярем носити сим, яко бы всяка тварь... единою лЪтом изнемогают линством* [Соч. ЕЕ., 652].

Как видим, в данном примере употреблена форма настоящего расширенного времени глагола, выражающая в сочетании с частицей *бы* значение сослагательного наклонения. Сравнение, которое

описывается в придаточной части конструкции, дает возможность говорящему выразить предполагаемое представление, не являющееся алогичным, уподобляя его излагаемой в главной части реалии. Такие сравнения могут носить обобщающий характер. При этом в качестве глагола-сказуемого используются формы настоящего-будущего расширенного времени глагола: *Яко же убо еже о класе тѣло от сѣмене прозябает, божественѣи силѣ от самого оного се любохитрѣствующи и ни же всѣми тоже есть сѣмени* [РДП, 144]; *но яко же в класѣ нѣкыи, к нетлѣнию престаляет* [РДП, 144].

Особенность описываемых конструкций состоит в том, что в них реализуется предположительная семантика, передающая то, что может иметь место в действительности. Слушающему же необходимо лишь представить, что то, о чем говорится в придаточной сравнительной части, имеет место. Тогда можно представить как реальный и тот факт или событие, которые излагаются в главной части. О справедливости такого утверждения свидетельствуют отдельные конструкции, отмечаемые в памятниках, которые содержат в придаточной части глагол-сказуемое в прошедшем времени. Это позволяет говорить о сравниваемых фактах или событиях как о имевших место в прошлом: *Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты... равно тому нечестию, беснуясь, сотвориши* [ПИГр, 17].

Спорадически в исследуемых материалах отмечается сравнительный союз: *Размышляя, аки древний Аврам* [ППЦО, 143].

Понятно, что ведущей семой союза *яко* (*аки*) является сравнение. И лишь возможный мир, заключенный в сравнении, позволяет квалифицировать ее в определенной степени как гипотетическую сему, что схематически можно изобразить так (рисунок 3).

Предполагаемое условие	⇒	предполагаемый результат
Некоторый факт, событие бывает	⇒	уподобляется другому факту событию, которые бывают

Рисунок 3 – Предположительная семантика в придаточных сравнениях

Сказанное обуславливает то обстоятельство, что описываемые конструкции составляют лишь самую периферию ФСП гипотетичности.

Спорадически в наших материалах отмечается сема *кабы* (*как бы*), тождественная по значению семе *яко*, например: *А он пришел кабы некоторой государь* [ПИГр, 190]; *мы тебя в дальноконья грады, кабы оналяючися, посылали...* [ПИГр, 211].

Союз *как* в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении в составе придаточной части образа действия участвует в древнерусском языке в выражении предположительно-желательного значения. Передача семы предположительности достигается за счет сочетания союза *как* с частицей, употребляемой по отношению к союзу в непосредственной постпозиции. В главной части конструкции желаемое действие, как правило, изображается вне отнесенности к определенному субъекту, а лишь называется. Функцию называния действия выполняет в этом случае форма инфинитива глагола, а предположительный его характер передается посредством сочетания этой формы с частицей *бы*: *а нам бы миритися межю себю так, как бы дело доброе непорушне утверждалося на добро хрестыанское, а межю нас бы приязнь множилася* [ПИГр, 214]. В тождественных по значению конструкциях наблюдается личностное изображение желательного действия. В этом случае используются личные формы глаголов-сказуемых: *Мы ищем того, как бы кровь крестыанская уняти* [ПИГр, 223].

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о разнообразии языковых средств воплощения гипотетической семантики уже в период развития русского языка XIV-XVI вв. Это достигается благодаря заложенным в придаточных предложениях периферийным семам гипотетичности, имплицитным в контекстных условиях.

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

2. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.

Список проанализированных памятников и их условные сокращения

1. ПИГр – «Послания Ивана Грозного. – Погодинский список. – М.-Л.: АН СССР, 1951. -715 с.
2. ППЦО – Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI-XVI вв.). – М.: Советская Россия, 1982. – С. 142-150.
3. ТТ – Тайная Тайных // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 534-590.
4. Пов. ТВ – Повесть о Тимофее Владимирском // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 58-66.
5. Пов. о пск. вз. – Повесть о Псковском взятии // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 364-374.
6. Соч. ЕЕ – Сочинения Ермолая Еразма // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 626-662.
7. РДП – Разговор Души и Плоти // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 68-150.
8. ФСП – функционально-семантическое поле

Түйін

Мақалада ежелгі орыс тілдегі жорамалданған семантиканың имплицитті түрі қарастырылған.

Summary

The article is devoted to the implicit expression of hypothetical meanings in the Old Russian language.

УДК 801.3

АНТРОПОНИМИКА В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Б.Ж.Джумамухамбетова -

Атырауский институт нефти и газа

Антропонимика (гр. anthrohos человек + гр. onoma опуна имя) – 1) раздел ономастиологии, изучающий собственные имена людей, 2) совокупность собственных имен людей в данном языке.

Изучение фразеологизмов с компонентом-антропонимом дает возможность рассматривать связь языка и культуры в двух аспектах: во-первых, с точки зрения познания культуры и традиции носителя русского языка, во-вторых, с позиции углубления своих познаний в области культуры других народов средствами русского языка.

Объектом нашего исследования являются имена собственные русских художественных текстов. В лингвистике существует такое понимание, как прецедентные онимы / имена – индивидуальные имена, связанные или «с широко известным текстом или с ситуацией, выступающей как прецедентная» /1/.

Имя собственное – один из важных источников метафоризации речи, отражается глобальная лингвистическая закономерность. С точки зрения правил языковой системы, единица ономастики предназначена выражать одно значение – прямое, равное образу референта, то есть ономастикон – это совокупность однозначных слов. Определенный процент однозначных слов принципиально необходим для оптимального функционирования языка, иначе говоря, полисемия в рамках одного слова имеет пределы развития и необходим «запасной банк смыслов».

Ономастика – это своеобразный банк мотивирующих лексем для узуальных метафорических дериватов, одни из которых отражены в академических толковых словарях: альфонс, гамлет, гарпагон, донжуан, донкихот, держиморда, дульцинея, золушка, иудушка, казанова, квазимодо, ловелас, манилов, молчалин, ноздрев, обломов, отелло, печорин, робинзон, скалозуб, тартюф, хлестаков, чичиков и т.п., другие фиксируются различными авторскими словарями: гуливер, мюнхгаузен, базаров, джеймс бонд, калибан, маугли, собакевич, скотинин, тартарен, фамусов, чайльд-гарольд, шерлокхолмс, шехерезада, карлсон, лолита, Луис Альберто, Илья Муромец, Кабаниха, Василий Теркин, Тарас Бульба.

Свойство прецедентных имен собственных особенно важно в риторическом обеспечении